ЕВРОПА 02.02.2021 | Пол Мейсон

Суверенная, но одна

С Байденом в Белом доме и с ЕС, стремящимся к стратегической автономии, Великобритании достается второстепенная роль

Бедная, в изоляции и обреченная на распад – именно так выглядит Великобритания со стороны в первые несколько недель после обретения «свободы» от Европейского союза. Согласно последнему опросу, 57% шотландских избирателей поддерживают независимость. Консервативное правительство готовится отменить Директиву о рабочем времени, которая в соответствии с законодательством ЕС ограничивала рабочую неделю 48 часами.

Сообщества британских рыболовов, которые были одними из самых преданных сторонников Брексита, с удивлением обнаруживают, что теперь не так-то просто продавать рыбу на материковую часть Европы. Тем временем нидерландские пограничники конфискуют бутерброды у дальнобойщиков, пересекающих Ла-Манш, в соответствии с новыми правилами импорта продовольствия.

Наблюдая за тем, как протестующие несутся по ступенькам Капитолия в США, европейцы вынуждены были признать, что Великобритания даже не является самым неблагополучным их англо-саксонским партнером. Но пока ответственные за внешнюю политику и безопасность ЕС наблюдают за глобальной сверхдержавой, которая вот-вот сделает поворот на 180 градусов, они сталкиваются с угасающей бывшей империей, не знающей, в каком направлении двигаться.

Без четкой стратегии

Проблема с Великобританией заключается в том, что ее правительство даже после 12 месяцев пребывания у власти не сформулировало четкой стратегии. В феврале 2020 года премьер-министр Борис Джонсон приказал провести «комплексный обзор», охватывающий оборону, внешнюю политику, помощь на развитие и безопасность – этот шаг позиционировался как самый масштабный

пересмотр международных приоритетов Великобритании с момента окончания холодной войны.

В марте, после начала эпидемии коронавируса, это мероприятие приостановили. Когда национальные государства изымали средства защиты еще на посадочной полосе, а по всему миру ужесточались ограничения на поездки, предсказать будущее представлялось невозможным.

В сентябре обзор возобновился, но пока он был на паузе, госслужащие вернули себе контроль над ситуацией, который раньше оставался у приближенных к Джонсону поклонников Брексита. А с уходом в декабре главного советника Джонсона, Доминика Каммингса, весь проект остановился на проблемах, которые и были главной причиной его проведения: бюджеты на оборону и силовые структуры представляли собой противоречие между повышенными военными амбициями Британии и снижением влияния и доступных средств.

В более масштабном контексте – а именно в контексте роли Великобритании в мире и ее ориентации на основных партнеров – все выглядит неопределенно. Угроза Джонсона в сентябре нарушить международное право и отказаться от части Соглашения о выходе Великобритании из ЕС настолько сильно повредила репутации Британии в Вашингтоне и Брюсселе, что стало предельно ясно, что Джонсон не рассчитывал на победу Джо Байдена на президентских выборах в США.

Когда в день победы у Байдена спросили, не скажет ли он пару слов для BBC, он с озорным видом ответил: «Для BBC? Я ирландец». Ему не пришлось объяснять: «...А ваш только что поставил под угрозу мирный процесс в Ирландии», но весь мир явно понял, на что он намекал.

По правде говоря, после выхода из ЕС Джонсон никак не может сформулировать внешнеполитическую стратегию Великобритании. Стратегия, о которой он мечтал раньше, всегда была не более чем неоимперской фантазией, с которой было покончено в ту же минуту, когда началась эпидемия коронавируса.

Конечно, Европе понадобятся еще десятилетия, чтобы развернуть

В своей ныне печально известной Гринвичской речи в Старом королевском военно-морском колледже в Лондоне в феврале прошлого года Джонсон изложил видение Великобритании как страны,

функциональные, организованные вооруженные силы или чтобы поддержать появление настоящих конкурентов технологическим гигантам Кремниевой долины

которая на глобальном уровне борется за новый виток торговой либерализации – и получает от нее выгоду. Жалуясь, что «тарифами размахивают, как дубинками», он пообещал, что Великобритания воспользуется новообретенной независимостью и отдельным голосом во Всемирной торговой организации, чтобы открыть рынки, как это сделали торговые капиталисты, построившие колледж в XVIII веке.

Он так и не объяснил, как это сделать без военного превосходства или значительного дипломатического влияния. Но в мире раздутой риторики, которую так любит Джонсон, объяснения не нужны. Теперь же, когда Байден вот-вот вступит на пост президента, а Европа начинает постепенно менять мышление в свете предстоящего ухода канцлера Германии Ангелы Меркель, британской дипломатии придется переходить из мира риторики в реальность.

«Стратегическая автономия»

Как я уже писал, Европа столкнулась с необходимостью технологического суверенитета и «стратегической автономии». Эти две концепции временами были расплывчаты среди европейской политической элиты, а последнюю министр обороны Германии Аннегрет Крамп-Карренбауэр назвала «иллюзией», но в Елисейском дворце они обретают хотя бы некоторую четкость.

В ноябре президент Франции Эммануэль Макрон очертил комплексную глобальную стратегию для ЕС: стать равным с США игроком в создании новой многосторонности, сопротивляясь переходу к великодержавной политике. Он выступил за «укрепление и структурирование политической Европы», утверждая, что это «единственный способ сохранить наши ценности, наш общий голос, и предотвратить китайско-американскую дуополию, смещение, возвращение враждебных региональных сил».

Короче говоря, если Европа не желает быть пешкой, она должна активно принимать участие в игре. Сильные центробежные силы могли бы это предотвратить, но с выходом Великобритании из ЕС они ослабли, а не усилились. Позиция, в которой Великобритания фактически вынуждена принимать правила извне, как это продемонстрировал заключительный этап переговоров с ЕС, значит,

что страна больше не может открыто играть роль Коварного Альбиона, как бы к этому ни стремилось правое консервативное мышление.

Конечно, Европе понадобятся еще десятилетия, чтобы развернуть функциональные, организованные вооруженные силы или чтобы поддержать появление настоящих конкурентов технологическим гигантам Кремниевой долины. Но она вполне может достичь стратегической автономии в отдельных секторах и аспектах, таких как космос, GPS и телекоммуникации 5G.

Более ограниченные амбиции

Тем временем США, похоже, вскоре закончат четырехлетний период геополитического безумия с более ограниченными амбициями, чем прежде.

Госсекретарь Тони Блинкен является франкофилом и сторонником многосторонних политических отношений, он верит в международные институты и американский интервенционизм. В подробном интервью в прошлом году он очертил вероятные цели администрации Байдена: восстановить Америку в качестве мирового «организатора» и формировать ситуативные коалиции для достижения общих целей.

Единственной рациональной стратегией для Великобритании была бы роль посредника, который сводит вместе Европу и США на основании общей задачи разработки многосторонних решений и структур в условиях фрагментирующегося глобального порядка

В то время как США будут продолжать «разворот», связанный с усилением Китая и возникновением угроз с его стороны, этот разворот теперь задуман как «индо-тихоокеанский», включающий в альянс Индию и ЕС, чтобы очертить международные ограничения и правила. Критикуя Дональда Трампа, который пытался противостоять Китаю без привлечения европейских союзников США, Блинкен сказал: «На нас одних приходится около 25% мирового ВВП. Когда мы работаем с союзниками и партнерами, в зависимости от того, кого мы привлекаем, это 50% или 60% ВВП. Это гораздо более весомо, а Китаю это гораздо труднее игнорировать».

Хотя администрация Байдена столкнется с четырехлетним полувоенным восстанием крайне правых, если все пойдет правильно, мы можем войти в эру возобновления сотрудничества США и ЕС в

сферах климата, мира на Ближнем Востоке, торговли, а также по иранской ядерной сделке.

Что бы Джонсон ни представлял себе, самые прочные отношения в течение следующих четырех лет будут между Вашингтоном и Парижем, а следовательно, дипломатически между США и ЕС. Несмотря на свое высокомерие, Британия тоже сыграет роль.

Горький опыт

После горького опыта выхода из ЕС и провала выборов 2019 года многие прогрессисты решили больше не поднимать вопрос отношений с остальной Европой. В английской политике одни лишь отчаянные либералы призывают к «повторному присоединению» – такие как лейбористский пэр Эндрю Адонис или оксфордский профессор Уилл Хаттон. Лидер лейбористов Кир Стармер пообещал не возобновлять вопрос Брексита и не добиваться возрождения соглашения о свободном передвижении.

Однако геополитические факты никто не отменял. Если демократы Байдена смогут продержаться при власти два срока, а Париж, Рим, Мадрид и Берлин смогут достичь примерного согласия касательно укрепления европейского проекта, с неоколониальной фантазией британских правых, в которой Великобритания играет роль *крайнего защитника,* будет покончено.

Единственной рациональной стратегией для Великобритании была бы роль посредника, который сводит вместе Европу и США на основании общей задачи разработки многосторонних решений и структур в условиях фрагментирующегося глобального порядка. Но в такую позицию Джонсон никогда не верил, и его малоэффективное премьерство остается самым большим препятствием для четкой, основанной на фактах внешней политики Великобритании – или того, что от нее останется.

Эта статья — совместная публикация Social Europe и журнала «IPG-Международная политика и общество».

Пол Мейсон

Лондон

Пол Мейсон (Paul Mason)- известный британский писатель и тележурналист. В 2016 году вышла его книга "Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему".